

И еще один анекдот. "Какая разница между Гомулкой и Кадаром?" – "Кадар в 1956 году показал себя верным коммунистом, так что позже он мог быть порядочным венгром. А Гомулка показал себя в 1956 году порядочным поляком, так что потом ему пришлось стать верным коммунистом".

Якуб Карпинский

РАСПЛАТА

(Глава из книги "Отсчет времени") *

Декабрь 1970 г.

Так уж повелось, что повышение цен объявляют в Польше во вторую половину дня по субботам: магазины получают время сменить за воскресенье ценники, а люди – привыкнуть до понедельника к мало приятному сюрпризу.

В субботу 12 декабря 1970 г., за две недели до Рождества, в разгар массовых закупок и оживленного посещения магазинов, появилось сообщение об "изменении розничных цен на товары широкого потребления". "Изменения" преподносились как "двойственные": на ряд товаров цены были снижены.

Опубликованный в прессе список товаров, на которые цены были снижены, охватывал 40 категорий. Он начинался аптечными товарами и заканчивался кровельными материалами. В него входили пылесосы, телевизоры, одеяла, "отдельные виды сапогов из синтетических материалов" и "некоторые сорта зубной пасты". Цены были снижены, главным образом, на те товары, которые по прежним ценам никто не покупал.

Повышение цен оказалось гораздо значительнее понижения. Повысились цены на мясо и мясные продукты, муку, молоко и молочные продукты, рыбу, макаронные изделия, строительные материалы, уголь, хлопчатобумажные ткани, шерсть, кожаную обувь, предметы гигиены, металлические изделия, "некоторые бумажные товары", "определенные виды мебели и изделий из древесины", а также на многие другие (в общей сложности 46 категорий). В газетах были опубликованы статьи, в которых доказывалась современность принятых решений.

* Jakub Karpinski, Countdown, Karz-Cohl, New York, 1982.
(Глава переведена с небольшими сокращениями. – *Ред.*)

14 декабря, в понедельник, на VI Пленуме ЦК Гомулка заявил:

"Государство приняло решение об изменении розничных цен. Необходимость такого решения разъясняется в письме Политбюро партийным организациям и в документах сегодняшнего заседания. Снижение цен, конечно, приветствуется обществом, но их повышение всегда непопулярно и наталкивается на критику, которая не всегда обоснована. Вводимые нами изменения розничных цен оправданы полностью. К тому же они не ведут к сколько-нибудь радикальным сдвигам в области потребления".

Однако обыкновенные граждане были иного мнения. Как раз, когда Гомулка говорил свою речь, несколько тысяч рабочих собрались перед воротами одной из судоверфей Гданьска, а затем двинулись к зданию воеводского комитета партии. В 3 часа дня толпа прорвала цепь полицейских и, сгрудившись перед зданием, принялась скандировать: "Хлеба!" и "Пресса лжет!". Попытки поджечь воеводский комитет в этот день были пресечены, однако, волнения не утихали до позднего вечера.

Во вторник 15 декабря рабочие судоверфей, доков и других предприятий Гданьска не вышли на работу. Перед областным комитетом партии, воеводским полицейским управлением и зданиями городских управлений состоялись демонстрации. Одно из полицейских управлений, а также тюрьма, были атакованы толпой, которую оттеснили полицейские силы. Здание воеводского партийного комитета загорелось к 10 часам утра. К этому времени там оставались одни солдаты и, как писалось потом в местной прессе, им было разрешено стрелять.

Во второй половине того же дня у железнодорожной станции против толпы были использованы броневики. Были убитые и раненые.

Состоялись массовые митинги на судоверфи и других предприятиях также и в Гдыне. У здания городского управления прошла демонстрация.

В обоих городах власти ввели комендантский час. Позже 6 часов вечера было запрещено покидать дома. Местная пресса объявила об этом утром 16 декабря. Вся остальная страна оставалась в полном неведении о происходящем.

Во вторник вечером по гданьскому телевидению выступил заместитель премьер-министра Коцолек, чтобы оправдать действия полиции и армии. Сообщив, что убито было 5 человек и 33 серьезно ранены, он призывал всех жителей вернуться на работу.

Еще во вторник прибыли броневики, а в среду на улицах Гданьска и Гдыни появились танки. У входа в гданьскую судоверфь, где рабочие митинговали с раннего утра, расположились военные отряды. Когда около 8 часов утра рабочие решили направиться назад в город, солдаты открыли огонь, заставив толпу отступить на территорию судоверфи. 28 декабря газета "Голос Выбржежа" писала об этих событиях так:

"Группа молодежи, которая пренебрегла сделанными предупреждениями, желая проверить реакцию солдат на попытки рабочих покинуть судоверфи, двинулась прямо на танки. Это кончилось трагедией. Раздалась выстрелы. Двое рабочих были убиты, 11 ранены. Демонстранты отступили".

В 9 часов утра рабочие судоверфи объявили сидячую забастовку. К ним присоединились рабочие гданьских доков.

В Гдыне в среду утром перед воротами судоверфи расположились армейские и полицейские части. Рабочие требовали освобождения тех, кого арестовали накануне. После полудня судоверфи Гданьска и Гдыни прекратили работу. Вечером по телевизору опять выступал заместитель премьер-министра Коцолек, снова призывая рабочих вернуться к нормальному труду.

В четверг 17 декабря было, наконец, опубликовано заявление ПОРП, в котором говорилось о происходящих в стране событиях и предлагалась их официальная версия.

"14 и 15 декабря имели место волнения рабочих на судоверфях Гданьска. Воспользовавшись обстановкой, хулиганы и другие уголовные элементы, которые не имеют ничего общего с рабочим классом, разрушили и подожгли несколько общественных зданий, взломали и ограбили дюжины магазинов. Были совершены убийства, жертвами которых оказались представители общественного порядка. Были серьезно ранены, которые в данный момент пребывают в больницах. В результате устроенных хулиганами

столкновений убито 6 человек (на одного больше, чем сообщал Коцолек во вторник), ранены десятки людей. Властями были приняты необходимые при таких обстоятельствах решительные меры — хулиганские элементы разогнаны, общественный порядок в городе восстановлен. Власти предупреждают, что будут впредь действовать еще решительнее, что любые нарушения общественного порядка, любые антигосударственные выступления будут пресекаться”.

Выходило, будто ”решительные меры” уже привели к ”восстановлению порядка в городе”. Однако утром 17 декабря расположившиеся перед входом на судовой верфь Гдыни вооруженные части обстреляли идущих на работу рабочих. Эти действия прямо противоречили призывам Коцолека к возврату к работе. К тому же накануне армия стреляла в Гданьске в рабочих, когда они пытались уйти с судовой верфи.

17 декабря вышли на улицу рабочие судовой верфи Щецина. Там тоже подожгли воеводский комитет партии. И там, как в Гдыне и Гданьске, в рабочих стреляли военные.

В тот же день в 8 часов вечера средства массовой информации обнародовали решение Совета Министров, в котором предписывалось

”органам Народной Милиции, Государственной безопасности и другим вспомогательным службам использовать любые законные средства, включая применение оружия, против участников насильственных действий, которые подвергают опасности жизнь и здоровье граждан, грабят и разрушают социалистическую собственность”.

Фактически это была попытка узаконить задним числом насилие, которое уже имело место в районе Гданьск-Гдыня, начиная со вторника. Но даже и в этом решении не было речи о праве убивать людей в превентивных целях — как покидающих работу (среда — Гданьск), так и идущих на работу (четверг — Гдыня). О том, кто несет ответственность за эти убийства, надлежащих разъяснений так и не было. Поэтому тяжесть ответственности так и осталась на правительственных органах Польши.

Третий день подряд продолжались волнения в Эльблагге. Ежедневно там собирались толпы перед зданием партийного ко-

митета, которое, как и в других местах, пытались поджечь. 18 декабря армия стреляла по толпе.

К концу этой бурной недели на некоторых предприятиях забастовки только начинались, на других — готовы были вспыхнуть. Расчет усмирить рабочих расстрелами явно не оправдался.

Среди участников VIII пленума ЦК, который проводился 6-7 февраля 1971 г., передавался по рукам документ, озаглавленный ”О декабрьских событиях и необходимых выводах”. Там критиковались аргументы, которые по привычке использовались пропагандой для оправдания повышения цен, а также объявлялись неверными действия, предпринятые против бастующих рабочих. По мнению авторов документа, применение оружия было поспешным и необдуманным. Само по себе повышение цен под сомнение не ставилось. Ответственность за все ошибки в политике возлагалась на Гомулку, Ящука и Клушко, которые были выведены из состава Политбюро еще в декабре 1970 г.

Восьмой пленум критиковал прежнее руководство за то, что оно не консультировалось с высшими органами партии. Но эта критика была использована, чтобы сузить число виновных. В официальном отчете пленума говорилось:

”Принимая свои решения, первый секретарь ЦК занял порочную позицию к событиям на Побережье. Чтобы оценить происходящее, не было созвано даже политбюро. До 19 декабря руководство всеми действиями осуществлялось первым секретарем, а также товарищами Ящуком и Клушко... Даже когда рабочие бригады Гданьской судовой верфи вышли на улицы, когда ход событий принял самую острую и опасную для страны форму, первый секретарь не считал нужным дать подробную информацию Центральному Комитету, хотя как раз в те дни он собрался на заседание”.

Могло ли случиться так, что 14 декабря ни один член ЦК, кроме Гомулки, ничего не знал о событиях на Побережье? Ведь, в конце концов, если знал Гомулка, то информацию ему доставляли партийные и полицейские органы. Имеются сведения, что гданьские события обсуждались во время пленума ЦК 14 декабря, по крайней мере, в кулуарах. Можно предположить, что од-

новременно проводилось как бы два пленума. И гораздо существеннее то, что не один Гомулка избегал открытого обсуждения происшедшего в понедельник. Не пошевелился никто из членов политбюро, никто не позаботился включить обсуждение случившегося в официальную повестку дня.

В упомянутом документе, который распространялся на VIII пленуме, главной причиной ошибочности реакций Гомулки на протесты рабочих объявилось отождествление им критики, направленной против него лично, с критикой партии, что давало основание считать ее контрреволюционной. Именно исходя из такого смещения он решился прибегнуть к насилию, включая применение оружия. И именно поэтому с первого дня на помощь Народной милиции были брошены армейские подразделения. Незамедлительное и повсеместное использование воинских подразделений, как и приказ о применении оружия, вытекали из неверной оценки обстановки. А эта неверная оценка, согласно мнению авторов документа, возникла из-за того, что при ее выработке не проявилась коллективная мудрость партии.

В документе подразумевалось как нечто самоочевидное, что если бы выступления рабочих были действительно контрреволюционными, то есть, что то же самое, если бы они были направлены против руководящей роли ПОРП, то в этом случае усмирение их силами армии было бы оправдано. Внутрпартийная антигомулковская оппозиция фактически и не собиралась вступаться за рабочих. Она выступила против Гомулки потому, что применение им оружия не дало ожидаемого результата. Вооруженное усмирение было бы оправдано тогда, когда можно было бы объявить протестующих рабочих контрреволюционерами, но поскольку оно не сработало, последствия должны были быть возложены на партийного вождя, но не на партию.

Что сначала Центральный Комитет одобрял повышение цен, говорил сам Герек, оправдываясь перед рабочими в своем выступлении в январе 1971 г. на судеверфи в Шещине:

”В такой обстановке, товарищи, у меня был только один выбор — я мог, понимаете, просто стать на точку зрения народа в политбюро или на Пленуме, а это значило бы выйти из состава политбюро. Я мог бы тогда сказать: ‘Товарищи, при таких обстоятельствах я не могу далее оставаться членом политбюро’. Я мог бы это сделать, да-

же размышлял, не должен ли я поступить именно так. Но друзья говорили мне: ‘Не делай этого. Если разразится какой-нибудь скандал, скажут, что ты его спровоцировал, скажут, что это ты вызвал скандал!’ По этой причине, товарищи, наши речи, речь товарища Грудзеня — оставались пустыми разговорами. Конечно, мы говорили о трудностях, что было правильно, и т.д., но мы не хотели дать кому-нибудь повод сказать, будто именно мы спровоцировали...”

Как видим, представление, что ”скандалы” могут быть кем-то спровоцированы, не было чуждо товарищам и друзьям Герека. Страх быть обвиненным в провокации побуждал Герека воздерживаться от каких бы то ни было действий. Он выжидал.

Герек говорил, что важнейшие государственные решения принимались маленькой партийной группировкой, что армия в результате установления принципа параллельного подчинения (т.е. как правительству, так и партии, — *Ред.*), фактически не подчиняется ни премьер-министру, ни министру обороны, а потому в соответствии с директивой партийной верхушки была использована для ее, то есть этой верхушки, защиты. Герек признавал также, что решения руководства не оспариваются другими товарищами из страха быть обвиненными в ”провокаторстве”. Но, вопреки этой безоговорочной критике сложившихся взаимоотношений между партией и государством, именно сам Герек несколько лет спустя снова попытался утвердить за коммунистической партией особое положение в обществе и государстве.

Эдвард Герек был провозглашен новым первым секретарем на чрезвычайном VII пленуме, который состоялся 20 декабря 1970 г., — меньше, чем через неделю после VI пленума, который одобрил повышение цен. Гомулка, который, сославшись на состояние здоровья, не присутствовал на этом пленуме, сложил с себя обязанности первого секретаря. Помимо Гомулки, из политбюро были выведены Болеслав Яшук, Зенон Клушко, Мариан Спыхальский, Ричард Стржелецкий; новыми членами политбюро были избраны Эдвард Бабюх, Стефан Ольшовский и Ян Шидлак, а Петр Ярошевич, Владислав Кручек и Мечислав Мочар продвинулись из кандидатов в полные члены политбюро; наконец, кандидатами в члены политбюро стали Генрих Яблонски, Войцех Ярузельский и Йозеф Кенпа.

На деле эти "новые" люди были достаточно опытными. Бабич непосредственно перед тем возглавлял организационный отдел ЦК, а Ольшовский — отдел печати ЦК. Он, как и Шадлак, был к тому же одним из секретарей ЦК; Яблонский и Ярузельский были до этого членами правительства — соответственно, министром народного и высшего образования и министром обороны; Кенпа был первым секретарем варшавского парткома. Из этих "новых людей" Ольшовский и Кенпа играли центральные роли в событиях марта 1968 г. Первый как руководитель отдела печати, второй — как секретарь партийного комитета Варшавы. Мечислав Мочар во время тех же событий марта 1968 г. был министром внутренних дел, а Войцех Ярузельский стал министром обороны за четыре месяца до вторжения в Чехословакию.

Вновь избранный первый секретарь в своей речи, которая передавалась по радио и по телевидению, объявил о переменах в партийном аппарате. Он обращался к своей аудитории:

"Товарищи и граждане! Соотечественники!"

Он подчеркивал, что говорит

"от имени партии, но не только для своих товарищей по партии".

Герек признал, что

"портовые города — Гданьск, Гдыня, Щецин и Эльблаг — стали ареной рабочих демонстраций, волнений, уличных беспорядков. Были человеческие потери"

и что

"это — наша общая трагедия".

Он усматривал в

"недавних событиях болезненное напоминание, что партия ни в коем случае не должна утрачивать контакт с рабочим классом и всем народом..."

Он говорил о вопросах,

"которые тревожат рабочий народ и должны быть разрешены. Среди них — положение работающих женщин, жилищные трудности, проблемы, касающиеся нашей молодежи..."

Эти вопросы затрагивают каждого в нашей стране — как в партии, так и вне ее, как верующих, так и неверующих. Для каждого найдется место в разрешении этих вопросов!"

В речи Герек можно было усмотреть некоторые уступки. Он упомянул без осуждения о рабочих демонстрациях, признал существование в Польше верующих и не примыкающих к партии.

Однако, когда 20 января в газете "Голос Щецина" появилось сообщение о том, что отдел труб судовой верфи им. Адольфа Варского в Щецине принял торжественное обязательство увеличить объем выпускаемой продукции, что помещение машинного цеха было украшено призывами:

"Поддержим новое партийное руководство увеличением выпуска продукции!"

и что рабочие будто бы согласились работать в воскресенье 24 января, на судовой верфи Щецина вновь вспыхнула забастовка. Впоследствии "Голос Щецина" разъяснил, что торжественные обязательства были приняты по инициативе директора отдела, бригадиров и мастеров, не будучи предназначены для публикации. Газета опровергла также собственное сообщение о согласии рабочих работать в воскресенье 24 января.

Сообщения газеты "Голос Щецина" были расценены рабочими как попытка расколоть единство рабочих. В пятницу 22 января забастовка распространилась по всей судовой верфи и перекинулась на другие предприятия города. К субботе бастовал весь Щецин. Рабочие судовой верфи выдвинули свои требования из 12 пунктов.

1. Мы требуем восстановления цен на продовольствие, которые были до 12 декабря 1970 г.

2. Согласно пожеланиям рабочих, высказанным на открытых собраниях, мы требуем немедленных и законных выборов нового профсоюзного руководства и рабочих советов; согласно пожеланиям большинства членов партии, мы требуем проведения на судовой верфи демократических выборов в органы партийных и молодежных организаций. Мы требуем гарантий, что этот пункт будет осуществлен воеводским руководством в пределах строго ограниченного срока.

3. Мы требуем материальной компенсации забастовщикам за время забастовки.

4. Мы требуем гарантий от администрации судовой верфи и государственных властей, что ни участники забастовок, ни члены забастовочного комитета не будут подвергнуты преследованиям, что им будет обеспечена полная личная безопасность как на территории судовой верфи, так и в городе.

5. Мы требуем, чтобы первый секретарь ПОРП Эдвард Герек и премьер-министр Петр Ярошевич прибыли на судовой верфь им. Адольфа Варского для прямых переговоров с представителями рабочих, то есть с забастовочным комитетом.

6. Мы требуем честной информации о политическом и экономическом положении судовой верфи и страны, исправления ложного сообщения торжественных обязательств, будто бы принятых рабочими отдела труб 19 января.

7. Эти исправления должны появиться в той же газете, где была помещена первоначальная информация. Это должно быть сделано до 25 января.

8. Мы требуем наказания виновных за передачу в прессу информации о торжественных обязательствах рабочих отдела труб.

9. Мы требуем, чтобы наши требования были опубликованы в местной прессе до 25 января 1971 г.

10. Мы требуем, чтобы воеводское руководство партии и профсоюзов, а также администрация судовой верфи гарантировали участие комиссии рабочих, избранной забастовочным комитетом, в заседаниях совета профсоюзов и советов рабочих судовой верфи до законных выборов, которые упомянуты в пункте 2.

11. Жизнеспособность комиссии рабочих предполагает:

а) гарантию личной безопасности ее членов на судовой верфи и в городе;

б) полный контроль со стороны комиссии над радиовещательной сетью судовой верфи, над ее техническим и кадровым персоналом;

в) освобождение от работы членов комиссии рабочих с тем, чтобы они имели возможность проследить за выполнением указанного в пункте 2.

12. Мы требуем немедленного прекращения преследований, угроз и арестов участников забастовки органами безопасности.

Забастовка — не преступление, и никогда не запрещалась.

Забастовочный комитет.

В воскресенье 24 января, в соответствии с пунктом 5 приведенных выше требований забастовщиков, на судовой верфь Щецина прибыли: Герек, Ярошевич и министр обороны Войцех Ярузельский, новый (к 24 января) министр внутренних дел Франтишек Шлахчич, секретарь ЦК Казимир Баршиковский, заместитель премьер-министра Франтишек Кайм и новый первый секретарь комитета партии щецинского воеводства Евгениуш Олубек. Встреча прибывших руководителей с представителями рабочих сопровождалась бурными дискуссиями, которые транслировались по радио на всю судовой верфь.

В результате было достигнуто соглашение о прекращении забастовки без удовлетворения ее основного требования — о ценах на продовольствие. Председатель забастовочного комитета Эдвард Балука заметил по этому поводу:

”Пункт этот оставлен открытым, и это — как бы вотум доверия новому руководству. Я думаю, что скажу от имени всех, выражая надежду, что новое руководство ... само постарается выполнить это требование как можно скорее”.

Забастовки продолжались, и требование восстановить цены на продовольствие, которые были до 12 декабря, оставалось их постоянным мотивом. В середине февраля, после забастовки в Лодзи, власти, наконец, удовлетворили это требование — правда, не полностью. По сообщению польского печатного агентства от 15 февраля 1971 г.,

”было проведено совместное заседание политбюро и президиума Совета Министров... Было принято решение, что, благодаря советским кредитам, а также учитывая планируемое повышение производства мяса за вторую половину текущего года и следующий год, имеется возможность снизить с 1 марта цены — включая цены на мясо и мясные продукты — до уровня цен, действовавших до 13 декабря 1970 г. Данное решение было принято по согласованию с Центральным советом профессиональных союзов. Одновре-

менно было признано необходимым, чтобы изменение цен на промышленные товары оставалось в силе”.

Тусклая оттепель

С 6 октября 1956 г. прошло к тому времени 14 лет. Но и события октября 1956 г. были всего лишь кульминацией событий прошлых лет. После смерти Сталина менялась структура партии, сменялись партийные кадры, ослаблялась цензура, проводились реабилитация и освобождение политических заключенных, ощутимо сократились масштабы репрессий. В противоположность всему этому декабрьские события 1970 г. и вызванная ими смена руководства проходили на фоне сгущающегося мрака после марта 1968 г. Декабрьской речи Герека не предшествовало время официально дозволенной свободы. Либерализация 1956 г., пусть кратковременная и непоследовательная, осуществлялась сверху, партией и ее вождями. И не только в Польше, но и в СССР. В 1970 г. все было иначе. Сам Герек выступал в 1968 г. как гонитель свободы. Достаточно вспомнить неуклюжие, но пугающие метафоры, которыми он пользовался в своей речи на массовом митинге в Катовицах 15 марта 1968 г. Герек говорил тогда о

”грязной пене, которая возникла на волнах происходивших 11 лет тому назад октябрьских событий”.

Он угрожал, что

”если кто-либо попытается повернуть течение, ... которое избрано народом, могучий силезский поток переломает им все кости”.

С декабря 1970 г. по февраль 1971 г. партия вынуждена была начать реформы под давлением рабочих. Впервые после окончания второй мировой войны рабочие сумели выразить свою независимую позицию путем забастовок и потребовали реформ — в частности, легализации забастовочных комитетов, независимости профсоюзов и правдивой информации в прессе. Однако вопреки широко распространенному мнению, не только рабочие сумели тогда сформулировать свои требования. Об этом свидетельствовали письма в редакции, например, ”Политики”, которая опубликовала лишь малую толику всего потока заявлений.

Речь Герека, произнесенная в день назначения его первым секретарем, была обращена не только к ”товарищам”, но и к ”соотечественникам” и к ”верующим”.

Власти пытались также добиться поддержки крестьянства. В марте 1971 г. были повышены правительственные закупочные цены на мясо и молоко, а в апреле того же года было объявлено о предстоящей отмене обязательных поставок, было обещано навести порядок в документации, устанавливающей права на землепользование, и в системе налогового обложения. В 1972 г. обязательные поставки были действительно отменены. Таким образом, в 1970-1971 гг. партийные власти действовали, уступая давлению не только бастующих рабочих, но и всего общества.

Реформы Герека

Польша воспринималась Западом как страна, которая управляется строго и рационально. Западные политические комментаторы и специалисты писали о ”Польше Герека”, ”Польши поляков” порой не замечая. Они видели Герека, который, успокаивая рабочих, развивал экономику. Ассоциации банков и биржевые компании не жалели польскому государству займов, товаров и лицензий. Расточительность, беспорядок и отсутствие планирования в экономике ”Польши Герека” обнаружили лишь ко второй половине 70-х годов.

Главным экономическим принципом при Гомулке была ориентация на внутренние силы и возможности, стремление избежать финансовой зависимости от заграницы. С декабря 1970 г. предпочли заняться модернизацией экономики, что требовало использования иностранных лицензий и капитала.

После 1970 г. начал быстро расти объем польской внешней торговли, причем импорт рос быстрее. Идея плановиков сводилась теперь к тому, что Запад будет финансировать экономическое развитие Польши посредством кредитов, которые можно будет возмещать за счет увеличения экспорта, что, в свою очередь, повлечет за собой возможность получения дополнительных кредитов. Но при этом уделялось большое внимание производству товаров широкого потребления; быстро росли жалование и заработная плата — даже в их реальной оценке. Однако западные кредиты расходовались безалаберно и нерасчетливо, из-за чего задолженность Польши Западу постоянно возрастала. Во-

преки первоначальным расчетам, дефицит в торговле с Западом увеличивался. В области сельского хозяйства последекабрьская политика ознаменовалась повышением государственных закупочных цен на молоко и мясо, которое было объявлено 20 марта 1971 г. А 18 апреля 1971 г. политбюро ПОРП и Президиум Объединенной крестьянской партии совместно объявили об отмене принудительных поставок, о введении нового порядка документации, которая обеспечивала крестьянам права на владение землей, что прежде не было юридически оформлено и непосредственно затрагивало интересы больше миллиона крестьян. Было объявлено также о включении крестьянских семей в систему бесплатной медицинской помощи. Изменялась и система налогового обложения, которая вошла в силу с 1 января 1972 г.

Капиталовложения проектировались с громадным размахом. Отдалось предпочтение стройкам северного порта Гданьска и металлургического комплекса "Катовице". Это касалось и снабжения сырьевыми материалами, и политики заработной платы. В итоге получился дефицит сырья и квалифицированной рабочей силы в других местах, что препятствовало созданию сбалансированной экономики. Одновременно возникла нехватка товаров на рынке, перенасыщенном деньгами.

Вскоре после того, как Герек занял свой пост, были введены изменения и в системе образования. В 1971 г. из Министерства народного и высшего образования, которое впредь стали именовать Министерством народного образования и воспитания, было выделено Министерство науки, технологии и высшего образования. Государство явно не намеревалось передоверить ответственность за воспитание детей исключительно семье или Церкви. Новое министерство народного образования и воспитания разработало новую обязательную программу для всех школ, которую Сейм ратифицировал в октябре 1973 г. Впоследствии этот план был дополнен другим, рассчитанным на десятилетку и столь же обязательным. Гуманитарные предметы фактически сводились к изучению истории коммунистической партии, по всеместно вводилось обучение русскому языку.

Одной из несостоявшихся реформ Герекки был проект закона о тунеядстве. Такой закон санкционировал не только записанное уже в Конституции право на труд, но и обязанность каждого трудиться, как это, например, практикуется в Советском Союзе. Однако это предложение встретило такую резкую критику,

преимущественно со стороны юристов и социологов, которые настаивали, что понятие "тунеядство" слишком расплывчато и поэтому не может быть юридической нормой, что так и не было принято.

В октябре 1972 г. политбюро разработало директивы о "номенклатуре" руководящих кадров. Право определять назначения на руководящие посты как в партии, так и в органах высшей государственной власти, в государственной администрации, юридической системе, экономических учреждениях, армии, общественных организациях, прессе и научных заведениях, закреплялось за политбюро и другими партийными инстанциями. Подробный список "номенклатурных" постов включал в себя не только назначаемые должности, но также и формально определяемые как выборные. Этот указ был откровеннейшим признанием партийного характера государства, а также фиктивности не только государственных, но и "общественных" должностей и учреждений.

В середине 70-х годов, среди прочих реформ, была проведена серия изменений в территориальных и административных делениях страны.

Политика в области сельского хозяйства, которая было возникла в результате уступок 1970-1971 гг., постепенно возвращалась к старым попыткам ограничить частное землевладение. Последовательностью сельскохозяйственная политика польских властей никогда не отличалась. Власти вынуждены были заботиться о прокормлении населения, но при этом упорно тяготели к идее коллективизации. Разговоры о коллективизации и замене частных хозяйств государственными порождали у земледельцев неуверенность в завтрашнем дне, а в итоге приходилось все больше зерна и мяса ввозить из-за рубежа.

Явной целью административных реформ было повышение эффективности правительства и укрепление централизации управления. Системы административной субординации были упрощены, а центральная власть усилена за счет местной. Одновременно партия пыталась подчинить своему контролю всю жизнь общества, для чего, собственно, и была разработана "номенклатура", объединены молодежные организации по образцу советского комсомола и т.п. Эти тенденции подкреплялись усиленной пропагандой. Красные флаги, которые прежде вывешивались только по праздникам, стали необходимой принадлежно-

стью партийных зданий и неизменным украшением партийной периодики. В годовщины Октябрьской революции повсюду стали вывешивать советские официальные символы. В школьных программах главный упор делался на "интернациональное" воспитание, которое подразумевало отождествление интересов Польши с интересами Советского Союза.

Реформы 70-х годов можно расценивать как попытку установить просвещенную автократию. Экономические реформы имели целью модернизацию Польши и построение в ней "социалистического индустриального общества". При этом правящая элита хотела присвоить себе роль благотворительницы народа, а, развивая индустрию, хотела себя увековечить. Metallургический комплекс "Катовицы", например, мыслился как грандиозный монумент Эдварду Гереку. Поэтому модернизация экономики производилась не в соответствии с логикой экономических механизмов как себестоимость, ценообразование, прибыль, доступность сырья, материалов, оборудования и энергии, а по прихоти политиков.

Власти, очевидно, всерьез стремились сократить разрыв в жизненном уровне между Польшей и индустриальными странами Запада. Только так можно было покончить с причинами, которые вызвали волнения конца 1970 — начала 1971 гг. Последующие события показали, что польскому руководству это не удалось.

Церковь

На протяжении всей послевоенной истории католическая церковь Польши высказывалась по всем основным вопросам, которые тревожили общество. Это делалось в форме пасторских посланий епископата и примаса, а также в виде писем, которые ими же адресовались государственным властям и не всегда предавались гласности. Так было и в декабре 1970 г.

29 декабря появилось письмо Главного совета польского епископата "ко всем соотечественникам нашей общей Родины". В нем приводился текст телеграммы папы Павла VI примасу польской церкви, в которой выражалась тревога за польский народ. Папа писал, что молится за мирное развитие событий. Главный епископат, упомянув о недавнем подписании соглашения о нормализации отношений с Западной Германией, подчеркивал:

"...мы с радостью приветствовали этот шаг по пути признания наших национальных прав западными соседями Польши".

Говорилось в письме Главного совета также о событиях,

"которые произошли незадолго до Рождества, болезненно отразившись на всей стране, особенно на городах Побережья".

"Добиваясь признания наших законных прав в международных отношениях, мы должны блюсти свои права на национальное существование и самоопределение также в пределах собственной страны, —

напоминал Главный совет. —

Ответственность за это ложится прежде всего на органы государственной власти. Недавние события с полной очевидностью показали, что необходимыми условиями, которые обеспечили бы названные права, являются:

— право на свободу совести и религиозную жизнь при полной нормализации отношений между церковью и государством;

— право нашего народа на свободную культурную деятельность в соответствии с духом христианских принципов общественной взаимопомощи;

— право на социальную справедливость, которая должна выражаться в выполнении требований, когда они справедливы;

— право на правдивую информацию и свободу высказывать мнения и требования;

— право на материальные условия, которые обеспечивали бы достойное существование каждой семье и каждому гражданину;

— право граждан, чтобы с ними обращались без оскорблений, причинения несправедливого ущерба или преследований.

Ответственность за обеспечение этих прав лежит как на центральной власти, так и на администрации в целом, осо-

бенно на тех, в чьи обязанности входит поддержание общественного порядка. Ту же ответственность должны разделять и все граждане государства.

Уважение к этим правам, как учит энциклика папы Иоанна XXIII "Мир на Земле" (*Pacem in Terris*), необходимо для обеспечения мира в обществе. Уже в марте 1968 г. мы говорили о том же: применение насилия не приносит успокоения и мира — особенно когда не щадят даже невинных, даже женщин и детей. Народ не может развиваться в обстановке страха; к миру ведет лишь дух справедливости и любви".

27 января 1971 г. епископы обратились к полякам с призывом молиться за родину. Они писали:

"В дни трагических событий декабря неблагоразумно и необдуманно было пущено в ход оружие. Последствия этого ужасны. Улицы городов побережья запятнаны кровью; стране нанесен мучительный удар... В прошлом мы видели чванливое безразличие к любой свободной мысли, высказыванию любой идеи, даже самой правильной, к каждому требованию, даже самому справедливому. Наша сегодняшняя трагедия — результат унижений, которым подвергли всю страну, все общество, и которые задела также и церковь Польши".

Епископы призывали молиться:

- прежде всего — за павших на побережье;
- за семьи скорбящих вдов и сирот; за утешение и хлеб осиротевшим;
- за тех, кто считал своим гражданским долгом требовать удовлетворения законных прав рабочих людей;
- за тех, кто причинил страдания ближним — чтобы Бог им простил и чтобы и мы смогли простить;
- а также за тех, кто принял сейчас на себя бремя ответственности блюсти порядок и внутренний мир нашей родины, обеспечить правосудие для всех; за то, чтобы, преодолевая существующие социальные и экономические трудности, они нашли верный путь для мирного и здорового развития нашего общества, чтобы они хранили верность своим обязательствам уважать человеческое достоинство и гражданские права.

Заканчивалось письмо епископов призывом к милостыне:

"Подкрепим наши молитвы приношениями, — пусть даже малыми, — которые мы принесем как 'алтарную жертву' во время сегодняшней литургии — для тех семей, которые потеряли своих кормильцев. Пусть это станет символом христианского братства и сострадания".

В январе 1974 г. примап польской церкви кардинал Стефан Вышинский произнес в церкви Святого Креста в Варшаве три проповеди, в которых говорил о том, как отношение человека к Богу должно отражаться на экономике и политике. Кардинал Вышинский учил, что хотя экономические права и обязанности очень важны, они не составляют самого существенного в жизни человека. И нельзя отделять от "сущности человеческой — человеческого достоинства", ибо

"... высшая цель человеческого труда в том, чтобы быть человеком".

Говоря об экономических правах, кардинал следовал главным положениям энциклики папы Иоанна XXIII "Pacem in Terris". Человек вправе рассчитывать на справедливую оплату своего труда в своей родной стране. Это

"его право определяется свободой выбора принимать или отвергать данную работу... Каждый имеет право трудиться в условиях, которые не вредят его здоровью. И точно также каждый имеет право трудиться в обстановке, которая не унижала бы его человеческое достоинство".

Как утверждал папа Иоанн XXIII в своей энциклике, человек также

"имеет право бороться за лучшие экономические условия в соответствии с собственным чувством справедливости и долга".

Энциклика, которую цитировал кардинал Вышинский, говорила о "праве на справедливую зарплату", а также и о праве на частную собственность, поскольку она

”необходима, чтобы гарантировать свободу и человеческое достоинство личности”.

Примас выступил против всевластия ”экономизма” и ”экономической производительности”, напоминая своей пастве, что

”самое ценное богатство нашей страны — это человек”.

В проповеди примас высказался и о том, как он понимает нормализацию отношений церкви и государства:

”важнейшей предпосылкой такой нормализации должно стать признание самого факта существования церкви в польском обществе”.

Он сказал также, что

”польские епископы потрясены попыткой объединить всю польскую молодежь в одну монолитную организацию, и они не умолчали об этом. Такие попытки лишь обеднят возможности расширить социальный кругозор нашей молодежи, особенно академической. Они, несомненно, нанесут ущерб не только национальной культуре, но также общественной и политической жизни польского государства. Благоразумие подсказывает, что организация общества не может строиться на нивеляторском приложении одной узкой схемы; она должна определяться сотрудничеством различных слоев и социальных групп согласно разумным и здоровым предпочтениям граждан. Поэтому мужество отстаивать право на объединения и организации так же необходимо человеку, как свобода печати, общественного мнения, публикаций, дискуссий, мысли и научных исследований. Таковы необходимые предпосылки для преумножения богатства нашей культурной, общественной, национальной и политической жизни”.

Церковь возглавила множество групп, которые были заняты разнообразной общественной деятельностью. В частности, священники руководили студенческой молодежью, которая независимо от властей участвовала в мероприятиях информационного, культурного и политического характера. Церковная программа для летних молодежных лагерей стала одним из важней-

ших образовательных мероприятий. Важными событиями стали Неделя христианской культуры, молодежные фестивали религиозных песен и серии лекций церковных пастырей. Паломничества в Ченстохов или Пекары Шленски превратились в культурные и религиозные праздники национального масштаба.

У властей были свои задачи на ”религиозном фронте” — по возможности ограничивать влияние церкви и мешать ее деятельности. Брали в армию студентов семинарий, отказывали в разрешении на постройку храмов, устанавливали наблюдение над священниками, чтобы добыть компрометирующие сведения для шантажа, осуждали церковный консерватизм и способствовали анонимной деятельности по ”обновлению церкви”, рассчитывая настроить пасторов против епископов. Рассылались по почте даже поддельные тексты проповедей кардинала Вышинского, в которых он будто бы расхваливал достижения властей.

Государство и общество

В 70-е годы неуклонно рос процент трудящихся, занятых в государственном секторе. Власть государства, а, соответственно, и зависимость общества от государства усиливалась посредством расширения государственного контроля над экономикой. Государство обладало полной властью над обществом, сосредоточив в своих руках распределение заработков, продуктовых цен и снабжения.

В то же время коммунистическая партия с присущей ей иерархической структурой и строгим контролем аппарата над рядовым составом имела все возможности закручивать гайки в общественной жизни, чем и пользовалась. Существенную роль играла обязательная военная служба. Каждый год в армию забирали на два-три года более ста тысяч молодых людей. Идеологическая обработка, которая официально называется ”политическим воспитанием”, проводится в армии в обстановке военной дисциплины и беспрекословного исполнения приказов. Армия навязывала молодым людям государственную идеологию, отождествляла социализм с патриотизмом, а патриотизм — с интересами Советского Союза. Такое же направление имели обязательные программы народного образования 70-х годов. Та же цель преследовалась средствами массовой информации, которые тщательно контролировались цензурой и партией.

Бюджет Министерства внутренних дел, даже по официальным данным, в 70-е годы непрерывно возрастал, значительно превосходя фонды Министерства здравоохранения, образования и культуры вместе взятых.

Однако в начале семидесятых годов резко повысились запросы польского общества. Было много обещано: построить "другую Польшу", модернизировать экономику, расширить жилищное строительство, удовлетворить потребности в продуктах питания, улучшить службы охраны здоровья и отдыха. И в то же время продолжали подвергать дискриминации отрасли, которые считались "непроизводительными", включая сюда образование и здравоохранение, а также те отрасли, которые считались хоть и производительными, но не первостепенными — например, сельское хозяйство. И это происходило, когда в результате резкого увеличения рождаемости в послевоенное время города страдали от перенаселенности, а строительство не успевало за растущими потребностями. Очереди на кооперативную квартиру приходилось дожидаться 10 лет, а то и дольше. Говоря короче, власти пробудили надежды, которые не могли, да и не очень старались удовлетворить.

Польское общество было выдано на милость партии-государства и органов планирования. Когда формируемая и управляемая ими экономика начала разваливаться, трудно было ошибиться, кто в этом виноват и почему.

Культура в начале 70-х годов

После событий 1968 г. начали вводить некоторые новшества в официальный язык. Такие слова, например, как "нация" и "Польша" все чаще использовались в речах официальных лиц. В каких-то отношениях это было весьма жалкое время, хотя и не самое жалкое за всю послевоенную историю Польши. Но как бы там ни было, наступило благоприятное время для публикации некоторых работ по истории — как в науке, так и в журналистике. Поскольку партия стала делать упор на национальную тематику, стало возможно напечатать, например, книги по истории польской философии, в частности, о польском мессианизме (книги Анджея Валичка).

Через два года после кончины Павла Ясеницы вышел третий том его труда "Республика двух наций", озаглавленный "Исто-

рия агонии", который вызвал дискуссию о причинах падения Польши в XVIII веке с прозрачными намеками на современность. Анджей Кийовский напомнил своим "Ноябрьским вечером" (1972) о стремлениях к независимости и революционных настроениях Европы, и, в частности, Польши XIX в.

Станислав Баранчак, Ришард Криницкий, Юлиан Корнхаузер и другие поэты "поколения 68-го" получили возможность печатать свои стихи. Их поэзия противопоставила себя словарю и образам псевдореалистической популярщины официальных средств массовой информации. Неизбежные атрибуты пропаганды стали объектом насмешек и пародий в студенческих театрах.

Изданием в 1973 г. книги "138 стихотворений" и сборника фельетонов "Присутствие" ознаменовалось возвращение на арену культурной жизни Антония Слонимского, выдающегося поэта и фельетониста, который в 1968 г. был подвергнут поношениям партийной критики.

Важнейшим событием 70-х годов стала публикация стихов Збигнева Герберта под общим названием "Пан Когито" (1974).

Послевоенная история Польши, включая декабрьские события, была отражена в фильме Анджея Вайды "Человек из мрамора". Фильм Кристофа Зануси "Освещение и маскировка" был посвящен моральным проблемам в прямой связи с реальной действительностью Польши того времени. Были созданы также документальные фильмы, хотя и пришлось преодолеть множество трудностей, пока они вышли на экраны.

В 1976-1977 гг. возникла независимая пресса, которая открыла писателям возможности обходить цензуру. Однако воспользоваться этими возможностями было отнюдь не просто. Власти относились к независимой прессе враждебно, полиция проводила обыски, отбирая печатные станки и конфисковывая свежее отпечатанные издания. Писателей, которые публиковались независимо, лишали доступа к государственным издательствам и средствам массовой информации. Приходилось делать выбор: либо печататься официально, либо неофициально. И тем не менее проявлялась известная степень терпимости к независимой прессе со стороны властей, что способствовало развитию более радикальной и независимой литературы.

В конечном итоге рост неподцензурных публикаций привел в 1980 г. к ослаблению цензуры и в официальной печати, хотя власти явно склонны были считать такое положение временным.

Политические споры

В ходе забастовок, начиная с декабря 1970 г. и в первые месяцы 1971 г., рабочие выработали целую политическую программу. Они требовали снижения цен на продовольствие, повышения зарплаты, компенсации за время забастовок, освобождения арестованных рабочих и наказания виновных за кровопролитие на побережье. Выдвигались также требования правдивой информации, возможности опровергать ложь в печати, легализации стачечных комитетов и изменений в работе профессиональных союзов в сторону их подлинной независимости.

Эмигрантские издания и периодика, особенно парижская "Культура" и публикуемая ею библиотека, печатали свидетельские описания событий марта 1968 и декабря 1970 гг. Материалы собирались внутри страны. Эти политические события, как и сопровождавшие их репрессии, не были больше тайной. Они становились уроком, который следовало усвоить.

В парижской "Культуре" за июнь 1971 г. Лешек Колаковский опубликовал свои "Тезисы о надежде и безнадежности". Это была первая работа Колаковского по социально-политическим и программным вопросам с тех пор, как он покинул Польшу. Колаковский назвал существующую в Польше систему "деспотическим социализмом" и, пользуясь гегельянско-марксистской терминологией, рассмотрел отдельные противоречия этой системы, соотнося их с различными ее целями. Попыткам исправить "деспотический социализм" Колаковский противопоставлял идею "нефальсифицированного социализма", который он описывал по большей части путем отрицания характерных особенностей первого. "Нефальсифицированный социализм", по Колаковскому, есть суверенное, демократическое, плюралистическое, правовое и либеральное (в смысле уважения к свободе личности) общество, которое

"контролирует средства производства и распределение национального дохода".

Лишь эту последнюю характеристику можно считать отличительной особенностью социализма по сравнению с другими системами.

В последующих дискуссиях больше всего оспаривался имен-

но этот последний пункт. В номере 9 "Культуры" за 1971 г. Б. Завиша ставил под вопрос необходимость соглашаться с тем,

"что никому не должно быть разрешено частное производство, которое могло бы конкурировать с производством, находящимся под общественным контролем".

...

"Мне представляется весьма парадоксальным, —

писал Б. Завиша, —

что все теоретики социализма, начиная с Сен-Симона, рассуждали о средствах производства или, говоря проще, о промышленности, даже и не подумав спросить людей, непосредственно связанных с промышленностью, что они думают по этому вопросу. Я не припомню ни одного случая (если исключить человеколюбца Энгельса), когда бы человек, действительно знакомый с механизмом и развитием современной промышленности, заявил бы себя сторонником общественного контроля над всеми видами производства".

Мы могли бы добавить к этому, что проекты общественного контроля над средствами производства, даже когда они ограничиваются лишь отдельными отраслями, не касаются конкретных способов такого контроля: должен ли он осуществляться отдельными группами (что предполагало бы децентрализацию) или всем обществом (что потребовало бы централизованной администрации и демократического контроля над самой этой администрацией).

Названия, которыми награждали политическую систему Польши, менялись, но все авторы отдавали себе при этом отчет в подлинной ее природе, в ее зависимости от внешних факторов, в характерной для нее тесной связи между коммунистической партией и государством, в решающей роли при ней аппарата насилия (полиция и армия) и стремления партийного руководства к всемогуществу, к централизованной и единой властью. Было признано, что система в Польше менялась, но опыт октября 1956 г. и декабря 1970 г. привел к растущей уверенности, что давление общественности необходимо, чтобы обеспечить этим переменам хоть какую-то устойчивость.

Некоторые авторы предпочитали писать о будничных проблемах тех, кто просто хочет работать так, чтобы результаты их труда не пропадали даром. Свыше ста лет в Польше шли споры о труде на благо общества, который иногда именовался "органичным трудом". Имеет ли это понятие смысл? И если да, то до какой степени, когда результат трудовых усилий проверить невозможно.

Возвращаясь к спорам об "органичном труде", Колаковский утверждает, что призывы "выжить", "сохранить польскую культуру" путем достойного труда, честности и верности в лучшем случае вводят в заблуждение.

"Национальная культура требует не сохранения, а активной защиты, и предполагать, будто кто-либо может не знать, что это значит, просто недобросовестно".

В номерах "Культуры" за 1975 год печатались материалы, в которых обсуждались проблемы оппозиции и возможной программы на будущее. Не каждый автор предлагал такую программу, но многие писали о ее необходимости. Часто в статьях говорилось о необходимости развивать политическую мысль, о потребности в более широкой системе политических понятий, чем просто программа.

Все чаще появлялся термин "оппозиция". Одни писали о том, что оппозиция сделала, другие — что ей еще предстоит сделать. Дискуссии, которые разворачивались в эмигрантских периодических изданиях 1971-1976 гг., способствовали прояснению как внутренних, так и внешних политических проблем Польши. Особенно существенны были попытки строить планы на будущее. Писалось о необходимости оказывать общественное давление, требовать, настаивать на изменениях. Спорили о том, следует ли оппозиции подчиняться существующим законам. Проводилось различие между задачами тех, кто живет за границей, и тех, кто остался в Польше. Обсуждалась возможная роль церкви, католических групп, университетов внутри польского общества. В ходе дискуссий развивалось и уточнялось знание специфических характеристик господствующей в Польше системы, истории столкновений власти с обществом. Разъяснялось, что несмотря на то, что реакция общества в критические моменты послевоенной поль-

ской истории была спонтанной и мгновенной, как, например, в декабре 1970 г., и несмотря на все трудности ситуации, обнаружилась поразительная зрелость, например, в требованиях бастующих рабочих в 1970-1971 гг.

Незадолго перед следующим кризисом, в мае 1976 г., было объявлено образование Объединения сторонников польской независимости (ОСПН).

ОСПН, членство в котором должно было сохраняться в тайне, сформулировало цели, добиваться осуществления которых оно объявляло своими обязательствами:

1. Суверенитет народа, понимаемый как неотъемлемое право народа коллективно решать свою судьбу.
2. Равенство граждан перед законом.
3. Свобода всех религий и прежде всего — прекращение дискриминации религиозного большинства.
4. Расширение гражданских свобод.
5. Восстановление взаимодействия с традиционными и современными тенденциями европейской культуры.

В программе говорилось о необходимости обеспечить участие всех поляков в управлении страной; на деле осуществить гражданские права, установить в Польше многопартийную демократию; ввести систему социального обеспечения в соответствии с требованиями, которые определит сам народ; развивать национальную экономику без постоянных призывов к жертвам со стороны трудящихся; обеспечить польской науке и культуре свободное и разностороннее развитие; открыть полякам свободный доступ в мир — свободу путешествий, культурного и информационного обмена.

Задачи ОСПН формулировались в 26 пунктах. Например, пункт 2 гласил:

"Вся власть, исходя от народа, должна постоянно отчитываться перед народом, быть слугой народа".

Пункт 6 говорил о демократии:

"Высшая власть в государстве принадлежит народу и осуществляется путем свободных, тайных, прямых и пропорциональных числу населения выборов представи-

телей. Начиная с Сейма как высшей власти, на всех уровнях и во всех отраслях государственной администрации и экономической деятельности, свободно избранные представители общественности и отдельные граждане имеют право и полную возможность проверять исполнение обязанностей и следование закону”.

В пунктах 7 и 8 говорилось о восстановлении свободы слова и собраний. Пункты 9 и 10 относились к реформам в системе образования и науки:

”Мы требуем школ, свободных от лжи, страха политического и полицейского давления... Польским университетам должна быть возвращена автономия... Польская академия наук должна вернуть себе статус самоуправляющегося института, членами которого являются ученые с наиболее выдающимися достижениями и обладающие высшим авторитетом”.

В пунктах 13-16 определялось направление внешней политики будущей Польши:

”13. Отношения с Россией — наиболее сложный аспект польской внешней политики... Только тогда, когда эти отношения будут построены на честном раскрытии всех несправедливостей, причиненных польскому народу, залечатся застарелые раны, станет возможно подлинное равенство двух суверенных государств и развитие дружбы на равных началах между польским и русским народами.

14. Наши соседи с востока — не Россия, а Украина, Белоруссия и Литва... У нас нет к ним никаких территориальных претензий... В то же время мы требуем, чтобы все правительства, которые управляют бывшими территориями Польской республики, ... гарантировали живущим под их юрисдикцией полякам равные права, свободное сохранение польского языка и национальной культуры”.

Пункт 15 говорил о польско-германских отношениях. Там подчеркивалось, что только

”полная взаимная информация, свободный обмен людьми и идеями с Германией могут проложить путь к разрешению вековых раздоров”.

После программы ОСПН появились и другие обширные программные документы, разработанные в Польше (например, ”Программа 44”, опубликованная 6 августа 1976 г.). Взятые вместе, они способствовали определению общих задач. В них внесли свой вклад, несмотря на свое промежуточное положение между официальным статусом и оппозицией, профессиональные социологи, экономисты, юристы и журналисты.

Конституция

Конституционные установления существенной роли в Польше не играют. Обладающие, согласно конституции, высшей властью Сейм, Государственный Совет и пр., имеют мало общего с действительным руководством, которое принадлежит Политбюро, Секретариату и отделам ЦК ПОРП. Гарантированные конституцией гражданские права — свобода слова, собраний и демонстраций — в действительности ограничены особенностями функционирования этих реальных властей.

Вопреки всему этому власти публично объявили после декабря 1970 г. о необходимости внести изменения в конституцию. Фактически конституционные изменения были предложены во всех странах Восточной Европы приблизительно одновременно. К тому же и сами изменения были сходны: новые напоминания о социалистическом характере государства, акцент на руководящей роли коммунистической партии и вставки о дружбе с Советским Союзом.

И все же ”Руководящие директивы VI Съезду партии”, которые появились в сентябре 1971 г., достаточно резко подчеркивали необходимость конституционных перемен. Директивы были озаглавлены: ”К дальнейшему социалистическому развитию Польской Народной Республики”. В них говорилось, что

”действующая конституция 1952 г., которая соответствовала периоду строительства народного государства, свою роль выполнила”.

Поэтому

”назрела потребность подготовить проект новой конституции”;

который, среди прочего, призван определить по-новому ”руководящую роль партии”. Объявлялось, что партия берет на себя

”подготовку проекта новой конституции и представит его для широкого обсуждения ко времени выборов в Сейм”.

Это обязательство партия не выполнила. На какое-то время разговоры о конституционных переменах были отложены и забыты.

Та же тема повторилась через четыре года в новых ”Директивах” к следующему съезду ПОРП, опубликованных в августе 1975 г. Там отмечалось, что новая

”конституция должна зафиксировать исторический факт превращения Польской Народной Республики в социалистическое государство, в котором власть принадлежит трудящимся города и деревни и руководящую роль в котором играет Объединенная Польская Рабочая Партия (ПОРП)”.

В последовавшем непосредственно вслед за этим обсуждением ”Директив” Главным Советом польского епископата было указано на то, что эти формулировки

”снова свидетельствуют о тоталитарном характере марксистско-ленинской идеологии, партии и государственной власти”.

Вскоре 59 человек подписали заявление, копия которого была вручена 5 декабря 1975 г. маршалу Сейма. Этот документ стали обычно называть ”письмом 59-ти”, хотя, строго говоря, это не было письмом с определенным адресатом, а обращением ко всей общественности. Там говорилось о необходимости гарантировать свободу религиозной совести, труда, слова, инфор-

мации и научного исследования не только записью в конституции, но и основанным на конституции законодательством.

”Гарантии этих основных свобод, —

говорилось в ”Письме 59-ти”, —

нельзя совместить с официальным признанием ведущей роли партии в государственной системе, как это предлагается ныне. Подобного рода утверждения конституции закрепили бы за политической партией функцию органа государственной власти, который не ответственен перед обществом и неподконтролен ему. При таких обстоятельствах Сейм не может быть высшим органом в государстве, а суды не могут быть независимы”.

VII съезд ПОРП был назначен на 8-10 декабря 1975 г. Выступая в первый день съезда, Эдвард Герек сказал:

”Мы должны ограничиться самыми необходимыми усовершенствованиями существующего основного закона, но прежде всего отразить в них социалистический характер нашего государства и те социальные, экономические и политические изменения, которые произошли в ходе построения социализма”.

Таким образом, Герек призвал лишь к небольшим, ”наиболее необходимым” изменениям, и лишь как бы мимоходом, косвенно упомянул, что конституция должна утвердить ведущую роль ПОРП.

17 января 1976 г. Сейм принял новый закон — положение о порядке выборов, которое гласило:

”Выборы в Сейм Польской Народной Республики, в Национальные советы должны проводиться на основе программы Фронта Народного единства... и Польской Объединенной рабочей партии, которая представляет собой ведущую идеологическую силу Фронта Народного единства” (статья 1.1).

Предпринималась попытка утвердить законодательством роль партии и как ведущей силы в государстве, и как руководящей политической силы в обществе.

23 января 1976 г. комиссия Сейма приняла окончательный проект предложений об изменениях в конституции. ПНР, которая прежде формально определялась в конституции как "государство народной демократии" (статья 1.1), теперь превращалась в "социалистическое государство". В проекте также утверждалось, что ПОРП является "ведущей политической силой общества, строящего социализм", а в своей политике она призвана

"укреплять дружбу и сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами".

Одна из статей нового проекта гласила:

"Гражданские права неразрывно связаны с честным и добросовестным исполнением обязанностей перед Родной".

Проект натолкнулся на серьезную критику. 31 января писатель Ержи Анджеевский направил Специальной комиссии Сейма письмо, которое подписали более ста человек. Авторы его заявляли:

"При демократии вообще, а, следовательно, и при социалистической демократии, естественно, подразумевается, что гражданские права не могут быть оговорены какими бы то ни было условиями, — тем более сформулированными неясно, и предоставленными произвольному толкованию различными органами, а также лицами, располагающими бесконечной властью".

Окончательный вариант изменений конституции был принят 10 февраля 1976 г. Все утверждения относительно ПОРП и СССР были приняты в той форме, которая была рекомендована Комиссией Сейма. Статья, которая детерминировала права граждан исполнением ими своих обязанностей, была отброшена, но зато появилась вставка, согласно которой

"граждане Польской Народной Республики должны четко и добросовестно выполнять свои обязанности по отношению к Родине и содействовать ее развитию" (статья 57.3).

Юридический смысл подобных формулировок далеко не всегда четок. К примеру: что конкретно имеется в виду, когда заявляют, что определенной организации (то есть политической партии) предоставляется "ведущая роль" (в директивах сентября 1971 г.)? Как отличить "ведущую силу" (директивы августа 1975) от "руководящей силы" (окончательный вариант)? Можно спросить и о разнице между "руководящей идеологической силой" (положение о выборах от января 1976 г.) и "руководящей политической силой" (статья конституции), а также о том, означает ли "ведущая сила в государстве" (директивы 1975 г.) то же самое, что и "руководящая сила общества" (статья конституции).

Предложенная Эдвардом Бабюхом формулировка о "нерушимых братских связях" звучала слишком агрессивно. Ее заменили более неопределенными обязательствами "укреплять дружбу и сотрудничество". Однако в конституции так и не было раскрыто, в чем состоят эти обязательства, как не было сказано, обусловлены ли они чем-то или просто абсолютны.

Статьи конституции, в которых говорится о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, явно отдавали раболопием. Аналогичная дань приносилась и некоторыми другими странами советского блока. Конституция ГДР провозглашает связи с СССР "вечными и нерушимыми", тогда как в румынской конституции говорится о "дружеском и братском сотрудничестве с социалистическими странами" без прямого упоминания Советского Союза.

Юристы партии писали, что при пересмотре конституции надлежало зафиксировать права партии, которые до того не были определены. Они стремились избежать обвинений в том, что при пересмотре конституции была сделана попытка перераспределить права и обязанности между партией и гражданами. Согласно партийным юристам, ничего подобного не случилось. Конституция просто записала то, что уже было реальным фактом. Но тогда получалось, будто конституция — это просто "регистрация" того, что, пускай и не в полной мере, сделано без всякой конституции.

Однако декларации партии, имеющие целью легализовать свою роль, свое подбострастие перед СССР и покровительственно-отеческое отношение к обществу — возбудили протесты. Если партийное руководство решило "зафиксировать в конституции"

ции" свою незаконную практику, то для многих поляков это никак не оправдывало незаконности как таковой. Вероятно, предвидение таких протестов и обусловило неясность и разноречивость окончательных формулировок новой конституции.

Протесты относительно конституционных поправок продемонстрировали, что народ Польши — в отличие от властей — созрел для того, чтобы воспринимать закон всерьез. Вопрос о подчиненности Советскому Союзу и собственной коммунистической партии, который был поднят при обсуждении конституционных перемен, был поднят вновь летом 1980 г., когда в ходе переговоров с Межзаводским забастовочным комитетом в Гданьске правительство потребовало, чтобы новый профсоюз признал, что "ПОРП играет ведущую роль в государстве" (на сей раз это звучит резче, чем в конституции, которая даже после пересмотра 1976 г. говорила о ведущей роли ПОРП в обществе, но не в государстве).

Католические группы

За многие годы католические группы образовали один из немногих разрешенных и официально одобренных (и тем самым скорее ограниченных в своей свободе) очагов независимости в общественной и политической жизни. Когда власти чувствовали, что эта независимость заходила слишком далеко, они, будучи оскорблены и возмущены, искали возможности отомстить. Например, после 1964 г., когда Ержи Турович, главный редактор журнала "Тыгодник Повсехный", подписал "письмо 34-х", власти снизили тираж журнала с 40 до 30 тысяч экземпляров.

11 марта 1968 г. в запросе к премьер-министру пять депутатов Сейма — представителей группы "Знак" — потребовали от правительства мер против жестокого обращения полиции со студентами и выявления виновных. Депутаты подняли вопрос о "демократических правах граждан и политике правительства в области культуры". Вскоре после этого на сессии Сейма 10-11 апреля 1968 г. группа "Знак" подверглась весьма грубым нападкам премьер-министра Циранкевича и других депутатов. Одновременно была организована кампания в прессе и массовые собрания с выражениями "народного гнева". 11 апреля один из представителей группы "Знак" Ержи Завейский был исключен из Государственного совета.

В 1972 г. депутата Тадеуша Мазовецкого заменили в Сейме Вацлавом Аулайтнером. Таким образом, второй депутат из представителей "Знака", подписавших запрос 11 марта 1968 г., лишился своего места. Из трех оставшихся двое стали больше поддерживать власть, по крайней мере, в той степени, в которой это касалось их открыто высказываемых мнений. Ко времени голосования конституции 1976 г. из представителей группы "Знак" в Сейме остался один Станислав Стомма, который, отделившись от остальных делегатов, от голосования воздержался. После выборов 21 марта 1976 г. Станислав Стомма больше уже депутатом Сейма не был.

По этому поводу 11 апреля 1976 г. группа "Знак" приняла резолюцию, которая утверждала, что новые делегаты Сейма, которые номинально ее представляли, согласно мандату их движения не действовали.

14 июля 1976 г. в Варшаве был создан Польский клуб католической интеллигенции, хотя продолжал существовать Клуб католической интеллигенции, основанный еще в 1956 г. Организация нового клуба, который внес в свое название прилагательное "польский", свидетельствовала о его намерении расширить свою базу.

На протяжении 1976-1981 гг. целый ряд активистов клубов католической интеллигенции, сотрудников и редакторов лицензированных, но все-таки независимых католических изданий, публиковали свои работы в неофициальной периодике, а позднее помогали независимым и самоуправляемым профессиональным союзам "Солидарность".

Избрание папой Римским кардинала Карола Войтылы и последующий за этим его визит в Польшу поставили власти в крайне затруднительное положение. Планы преследования или ограничения влияния независимых католических групп пришлось отложить. Возникали новые клубы католической интеллигенции, связанные со старым движением "Знак", сложилась Польская католическая общественная ассоциация.

Движение молодежи

23 октября 1975 г. Станислав Кружинский, студент теологии пятого курса Католического университета г. Люблина, был арестован

”за распространение клеветнической информации, которая может нанести серьезный ущерб интересам ПНР, в письмах к различным лицам, написанных в период с июня по октябрь 1975 г. и содержащих ложные и тенденциозные взгляды на политические и экономические отношения польского государства”.

На основании частных писем Кружинский был осужден на 10 месяцев заключения.

Вскоре после этого ректор Медицинской академии в г. Щецине исключил студента третьего курса Яцека Смыкала. Объяснения, данные по этому поводу, достойны быть процитированы. Ректор писал о репликах Смыкала на занятиях по общественным наукам:

”Эти реплики были агрессивны по тону и могли разрушительно подействовать на мировоззрение других студентов, вызывая ненужные сомнения или даже создавая искаженное представление о нашей действительности. Более того, Смыкал оказывал пассивное сопротивление своим безразличным и пренебрежительным поведением в ходе следствия в воеводском управлении полиции, продемонстрировав своей манерой поведения полное отсутствие гражданской дисциплины по отношению к сотрудникам органов безопасности”.

Слухи о делах Кружинского и Смыкала распространились среди студентов, вызвав оправданное беспокойство. В мае 1976 г. более 600 человек, преимущественно студентов Варшавского университета, направили письмо в Государственный совет по поводу дел Кружинского и Смыкала. Там говорилось:

”Мы просим Государственный совет установить причины, сделавшие возможным принятие столь необоснованных и вредных решений, а также предпринять меры с целью предотвращения вероятности подобных решений в будущем”.

Тем временем ПОРП была занята тем, чтобы добиться объединения молодежных организаций. 28 апреля 1976 г. в Варшаве состоялись съезды Союза социалистической молодежи, Союза

социалистической сельской молодежи и всенародное собрание активистов Социалистического союза военной молодежи. На этих собраниях было принято решение о создании Союза социалистической польской молодежи как ”общей организации трудящейся молодежи”.

Вне этой единой молодежной организации остались только союзы студентов и скаутов. Ничего подобного не было, по крайней мере, с 1957 г. Партия осуществляла один из своих основных принципов: единообразие. Эти партийные акции спровоцировали решительные выступления в университетах. Студенты выступили против объединения молодежных организаций в высших учебных заведениях.

За период с конца 1975 до начала 1976 гг. приблизительно 600 студентов университетов Варшавы, Лодзи и Катовиц подписали письма, протестуя против обсуждавшихся тогда изменений конституции. А после того, как эти изменения были приняты, 92 студента и преподавателя институтов Гданьска и Люблина направили письмо протеста маршалу Сейма.

Начиная со второй половины 70-х годов, польские студенты не только возражали против проводимого партией объединения, но и создавали свои собственные независимые организации. Когда в июне 1976 г. было объявлено о повышении цен, студенты поддержали выступления рабочих, а затем следили за ходом судебных процессов над ними, тем самым сотрудничая при создании независимой системы информации. Первый независимый от властей студенческий комитет Солидарности возник в мае 1977 г. в Кракове, а затем и в других городах. Студенты сотрудничали в независимых издательствах и мероприятиях по самообразованию. Молодежные общества кристаллизовывались вокруг независимых периодических изданий; например, издававшийся в Гданьске ”Братняк” объявил в июле 1979 г. о создании Движения молодой Польши. Первые Организационные комитеты независимого союза студентов были учреждены летом 1980 г. В течение 1980-1981 учебного года студенты многих университетских центров объявляли забастовки, добиваясь официальной регистрации своих независимых объединений, а также полной деидеологизации системы образования.

Июнь 1976

В декабре 1975 г. на VII съезде ПОРП Герек заявил:

“Что касается наших конкретных планов, то будущий год мы начнем при существующей структуре цен. Однако проблема цен на основные продукты питания требует дальнейшего анализа, особенно с учетом нашего экономического положения и наших запасов. Правительству необходимо произвести такой анализ в течение будущего года и, после консультаций с трудящимися, представить соответствующие рекомендации. Очевидно, что они должны соответствовать основам утвержденной социальной политики партии и, в частности, обеспечить рост реального дохода, запланированный на предстоящие 5 лет”.

Выступление Герек как будто бы гарантировало, что повышения цен не будет, по крайней мере, до конца декабря будущего года. Более того, Герек вообще не говорил прямо о повышении цен, а всего лишь об анализе структуры цен и необходимости представить соответствующие правительственные рекомендации. Но на кодовом партийном языке это было равносильно публичному предупреждению о повышении цен в будущем году, которое пытались по возможности смягчить одновременным объявлением о некотором повышении реального дохода. Герек употребил также слово “консультации”, которое все чаще повторялось в следующие месяцы. Этот термин не переставал напоминать “трудящимся”, что никто “консультироваться” с ними не собирался.

В четверг 24 июня 1976 г., на заседании Сейма премьер-министр Петр Ярошевич представил правительственный проект повышения цен. Сейм одобрил проект, и он должен был вступить в силу в понедельник 28 июня 1976 г.

Однако, 25 июня на многих предприятиях начались забастовки. Началось в Радоме на металлургическом заводе имени генерала Вальтера. Рабочие дали знать остальным предприятиям и сформировали демонстрацию, которая направилась к воеводскому комитету партии. Перед зданием, дожидаясь представителей властей, собралась толпа. Часть собравшихся вошла в здание, но партийных деятелей там не оказалось. Но зато они обна-

ружили буфет, щедро снабженный продуктами, включая и те, цены на которые были только что повышены. Это посетителей не успокоило. Около часа дня толпа принялась рушить комитетское здание, а в три часа оно загорелось. Толпа мешала пожарникам приблизиться к зданию.

Во второй половине дня какие-то люди прошли по торговым улицам Радомы, разбивая витрины магазинов. Никто их не останавливал, виновные так и не были найдены, но несмотря на это эпизод использовался пропагандой, которая обвиняла рабочих. Поджог партийного комитета, не говоря уже о замешательстве руководства, в партийной прессе так и не был упомянут, слишком уж он напоминал о событиях на Побережье в 1970 г., которые привели Герек на пост первого секретаря. Круг завершился.

Около пяти часов вечера моторизованные подразделения гражданской милиции начали усмирять Радом. Полиция произвела массовые аресты, избивая задержанных. Одним из приемов пытки арестованных была так называемая “тропа здоровья”: людей прогоняли сквозь строй между двух рядов полицейских, которые били их дубинками. Тех, кто попал в руки полиции, изтязали независимо от того, были ли доказательства их активного участия в событиях. Можно предположить, что такое применение физических расправ без разбора было возможно лишь по приказу, исходившему от весьма высокого уровня правительственной иерархии. На это указывает и то, что избиения проводились и Полицией, и тюремными охранниками.

Утром 25 июня начали забастовку также и рабочие металлургического завода в Урсусе близ Варшавы. Они требовали для переговоров представителей властей. После того, как директор завода отверг их требования, бастующие рабочие направились к ближайшей железной дороге, разобрали пути и свели с рельсов локомотивы, чем парализовали железнодорожное сообщение на направлениях Варшава — Познань и Варшава — Лодзь. Вечером на рабочих Урсуса напала полиция, заодно избивая всех попавшихся под руку пешеходов. Уровень жестокости в Урсусе вполне сравним с тем, что творилось в Радоме.

Забастовка не ограничилась только этими двумя городами. Крупные забастовки прошли на нефтехимическом заводе в Плоцке, на Померанских литейных и эмалировочных предприятиях, в Груджадзе и других местах. Согласно партийным отчет-

там, "забастовочная ситуация", а также угрозы забастовкой в случае, если повышение цен не будет аннулировано, случались во многих местах по всей стране (Лодзь, Варшава и города побережья).

События 25 июня привели к тому, что от повышения цен пришлось отказаться. Вечером 25 июня Петр Ярошевич выступил по радио и телевидению с разъяснением, что

"выработанный правительством проект был представлен Сейму и обществу на обсуждение как предложение, но не как окончательное решение. Это решение зависело от хода дискуссий и от реакции трудящихся".

Согласно Ярошевичу,

"консультации по этому вопросу проводились на большинстве предприятий страны... Было представлено много конкретных предложений, которые заслуживают тщательного и глубокого изучения. При данных обстоятельствах правительство считает, что на очереди сейчас новый анализ вопроса в целом. Это потребует, по меньшей мере, нескольких месяцев работы. Таким образом, от имени Совета Министров и после консультаций с Центральным советом профессиональных союзов я обратился к президиуму Сейма с предложением о снятии правительственного проекта".

Но либо "конкретных предложений" оказалось столь много, что не только нескольких месяцев, но и нескольких лет не хватило бы на "тщательное изучение", либо "конкретное предложение" было только одно — отменить повышение цен. И оно подкреплялось такими вескими "аргументами", как забастовки, демонстрации, разбирание железнодорожных путей и поджог здания партийного комитета. Очевидно, именно эти "аргументы" вынудили правительство счесть необходимым "новый анализ вопроса в целом".

Сразу вслед за событиями в Радоме и Урсусе группы интеллигенции и студентов выразили свою солидарность с рабочими. Первое подробное заявление было сделано 28 июня в день 20-й годовщины возмущения рабочих Познани. Его подписали 14 человек из тех, кто подписал ранее "письмо 59-ти" по поводу изменений конституции. Интересно, что семеро из этих 14-ти поз-

же оказались среди основателей Комитета защиты рабочих (КОР), который был создан в конце сентября, а в течение следующего года к КОРу присоединилось еще двое из них.

Пока интеллигенция и студенты выражали свою солидарность с рабочими, ПОРП предложила свой вариант солидарности под лозунгами: "Мы поддерживаем политику партии и правительства" и "Мы осуждаем нарушителей общественного порядка".

28 июня печать всей страны как бы невзначай вспомнила о том, что что-то случилось в Радоме и Урсусе три дня назад. В передовице "Жизнь Варшавы" говорилось, что обсуждение "новой структуры цен" началось "в обстановке серьезного учета действительности"... Только в отдельных случаях рабочие в ходе этих обсуждений покидали свои рабочие места. В Радоме и Урсусе эмоции достигли такого накала, что некоторые вышли на улицу.

Одновременно сообщалось о массовых митингах по всей стране в поддержку властей. Судебные приговоры участвовавшим в демонстрациях рабочим Радомы выносились суровые. На четырех процессах 25 человек были осуждены Воеводским судом Радомы, из них 8 человек — на сроки 8-10 лет, 11 — на 5-6 лет и 6 — на 2-4 года тюремного заключения. Однако в июле 1977 г. оставшиеся подсудимые были в Радоме освобождены. Власти склонились перед общественным мнением.

Вынуждены они были уступить общественному мнению и в вопросе о повышении цен. По словам Герека,

"целиком основываясь на состоявшихся обсуждениях, правительство, совместно с Центральным Советом рабочих союзов, подготовят улучшенный проект изменения структуры цен".

Однако никаких проектов не последовало. Такая неопределенность в экономике продолжалась до 1980 г.

После июньских событий стало, впрочем, очевидно, что не одна партия имела возможность предавать гласности свои версии. Реальной защитой рабочих оказалась декларация солидарности интеллигенции и студентов, распространенная вскоре после забастовок в Радоме и Урсусе в 1976 г. События июня 1976 г. стимулировали формирование независимых от контроля властей центров общественного мнения. Расширялось публичное обсуждение действий руководства в заявлениях и обращениях, брошю-

рах и периодических изданиях, которые распространялись, минуя цензуру. Общество отстаивало себя: рассеивался мрак над Польшей.

Заключение

Попытка повысить цены в июне 1976 г. еще раз продемонстрировала экономическую несостоятельность режима. Те, кто взялись управлять экономикой, просто не справлялись с задачей. Грубое насилие, которым власти отозвались на забастовки и демонстрации, и сопровождавшая его пропагандистская кампания, способствовали еще большему отчуждению режима от общества. Действия полиции после 25 июня были мстительны и незаконны.

Студенты и интеллигенция организовали денежную, юридическую и медицинскую помощь рабочим. *Солидарность* была проявлена не просто на словах. 23 сентября 1976 г. 14 человек подписали обращение к обществу и властям, в котором объявлялось о создании Комитета защиты рабочих (КОР). Они поставили своей задачей помогать жертвам репрессий, которые последовали за июньскими событиями. КОР начал публиковать информацию о правительственных преследованиях и о своей поддержке их жертвам. Он организовал сбор и распределение средств среди преследуемых рабочих.

Первый выпуск "Информационного бюллетеня" появился в сентябре 1976 г. Его издатели провозглашали:

"Задача данного бюллетеня — покончить с государственной монополией на информацию, которая охраняется существующей в нашей стране цензурой. Публикуемая нами информация призвана способствовать созреванию общественного мнения, создавая хронику преследований, направленных против граждан и национальной культуры. Распространение данного бюллетеня — активный шаг в защите прав человека и одновременно пример осуществления этих прав".

В январе 1977 г. появился в машинописном виде первый выпуск ежеквартального журнала "Запис", который выходил регулярно все последующие годы. Этой публикацией заявило о

своей независимости сообщество писателей. Там появлялись требования ограничения цензуры.

Участники первых независимых литературных и информационных публикаций подверглись угрозам. Появлялись даже фальшивые коммюнике КОРа, явно сфабрикованные полицией. В то же время проводилась конфискация самодельных множительных аппаратов. Но власти все же не решались на массовые аресты и избегали методов физической расправы в широком масштабе. В целом с интеллигенцией обошлись иначе, чем незадолго перед тем с рабочими. Тут, вероятно, в какой-то мере сказался страх перед общественным мнением Запада, который снабжал кредитами польскую экономику. Возможно также, что сдерживающее воздействие на полицейский шантаж и методы физической расправы оказывали систематические разоблачения в "Бюллетенях" и коммюнике КОРа.

В среде оппозиции росло понимание необходимости расширить деятельность за пределы простой помощи рабочим. На пресс-конференции, в присутствии иностранных корреспондентов, 26 марта 1976 г. было объявлено о создании Движения в защиту прав человека и гражданина (РОПЦИО). Под соответствующим заявлением стояло 18 подписей. Это было именно "движение", которое не имело руководящего комитета и не предполагало членства. Его структура определялась менее четко, чем в КОРе, который координировал деятельность отдельных лиц и давал информацию об этой деятельности. Движение составилось из группы людей, которые в большинстве случаев действовали совместно. Они начали публиковать журнал "Опиния" ("Мнения"), создавать сеть консультативных центров в больших городах, устраивать лекции и распространять независимые публикации. В журнале "Опиния" публиковались материалы по вопросам свободы слова и свободы религии, критиковались политические действия властей, разоблачались нарушения законов и экономическое расточительство, напоминались официально замалчиваемые события из истории Польши.

В апреле 1977 г. некоторым краковским студентам были доставлены по почте анонимные письма, которые порочили их коллегу Станислава Пьяса, участвовавшего, как было известно, в работе КОРа. Студенты обратились с протестом в прокуратуру. Было известно, что за Пьясом следила полиция. 7 мая он был найден мертвым на лестнице одного из домов Кракова.

9 мая представители организаций КОР и РОПЦИО сделали заявления, высказав свои подозрения, что как к клеветническим письмам, так и к гибели студента имела отношение тайная полиция. В воскресенье 15 мая служили загробную мессу. А вечером студенты Кракова объявили о создании Студенческого комитета Солидарности. Позднее подобные же комитеты были созданы в других местах. В их задачи входила защита тех интересов студентов, которые выходили за пределы деятельности единственной официально существующей студенческой организации — Социалистического союза польских студентов.

После смерти Пыяса власти попытались приостановить деятельность КОРа. В мае были арестованы 6 его членов по обвинению, по статье 132 Уголовного кодекса, в контактах с иностранными организациями с целью нанести ущерб ПНР. По тому же обвинению было арестовано еще 4 человека, сочувствующих КОРу. Несмотря на это, деятельность КОРа неослабно продолжалась, а через два месяца, в результате множества протестов как в Польше, так и за рубежом, арестованных освободили. Были выпущены из заключения также последние из осужденных за участие в июньских событиях.

В 1976-1977 академическом году в КОР вступило еще 12 человек, что увеличило число его членов до 26. 26 сентября 1977 г. 23 члена КОРа объявили о расширении задач и деятельности комитета. Эти задачи определялись так:

1. Борьба против политических, идеологических, религиозных или расовых репрессий и помощь жертвам таких репрессий.

2. Борьба против нарушений закона и помощь их жертвам.

3. Борьба за создание учреждений, которые гарантировали бы гражданские права и свободы.

4. Поддержка и защита любой общественной инициативы, направленной на осуществление прав человека и гражданина.

Осень 1977 г. ознаменовалась стремительным увеличением числа независимых периодических изданий. Это были "Постенп" ("Прогресс"), выступивший в защиту создания городских и сельских независимых рабочих союзов; "Роботник" ("Рабочий"), который получил наибольшее распространение из всех независимых периодических изданий, отражающих нужды рабочих; общественно-политический журнал "Глос" ("Голос"),

публикующий политические эссе, фельетоны, очерки журналистов о возможностях демократизации Польши и необходимости самоуправляемых общественных учреждений; "Спотканя" ("Встречи"), издаваемый католической молодежью и освещающий вопросы духовной жизни, а также практические дела, большей частью связанные с преследованиями польских католиков; литературный журнал "Пульс", который шире публиковал молодых авторов, чем "Запис"; студенческие периодические издания — "Индекс" и "Братняк", которые позднее, в 1979 г., стали печатными органами Движения молодой Польши; "Господаж" ("Хозяин"), связанный с РОПЦИО и освещавший интересы крестьян-единоличников.

Осенью 1977 г. появились первые публикации Независимого издательства "НОВА", которое за последующие годы опубликовало около 200 брошюр и книг — романов, сборников стихов, эссе и документов. "НОВА" печатала писателей, живущих как в Польше, так и за границей, а также переводы иностранных авторов. Эти издания осуществлялись "малой полиграфией", начиная с гектографической печати и кончая офсетной. Использовалось также ксерокопирование. Нечто подобное практиковалось и другими независимыми издательствами: "Польским издательством", "Издательством им. Конституции 3-го мая", "Клином" и др. К этой издательской деятельности прибавилась и "Библиотека запрещенных книг", которая собирала запрещенные цензурой произведения и делал их доступными для читателей. Власти пытались подавить эти начинания, конфискуя печатные приспособления, подозрительные книги и брошюры, но, большей частью, безуспешно.

В 1977-1978 академическом году в Варшаве началась деятельность Летучих университетов. Они устраивали на частных квартирах лекции по новой польской истории, основам политических наук, политической экономики, истории литературы и т.д. 22 января 1978 г. было объявлено о создании Товарищества научных курсов. В нем участвовал 61 человек — по большей части художники и ученые. Эти курсы помогали работе Летучих университетов, устраивали дискуссии по вопросам общественных и гуманитарных наук, которые искажались цензурированным преподаванием и публикациями. Материалы соответствующих курсов появлялись и в виде книг: например, о проблемах языка пропаганды или истории современной польской литературы. В

результате налетов на лекции Летучих университетов деятельность Товарищества научных курсов со временем пришлось ограничить. Но сразу после выступлений рабочих осенью 1980 г. проведение лекций восстановилось в еще более широком масштабе.

В 1978 г. было основано несколько новых периодических изданий — большей частью политических: "Критика", "Рес Публика" и "Аспект", а также организаций с целью защиты интересов отдельных социальных групп. А в ноябре 1978 г. группой ученых, журналистов и публицистов был основан Дискуссионный клуб "Досвящение и пришлощ" ("Опыт и будущее"). Власти вскоре запретили собрания этого клуба, но он продолжал свою работу, проводя опросы общественного мнения по текущим событиям. Публикуемые ответы были единодушны в критике действий правительства, в оценке экономического положения как катастрофического, а представителей власти — как некомпетентных лицемеров. Отмечалось, что последствия их политики могут быть опасны для страны, и предлагалось множество рекомендаций, какие реформы следует провести во что бы то ни стало.

Избрание кардинала Кароля Войтылы римским папой 16 октября 1978 г. оказало на польское общество невероятное воздействие. А посещение Польши папой Иоанном Павлом II в июне 1979 г. укрепило чувство общности между людьми, единство, уверенность в себе и независимость польского общества.

Образовались новые организации сторонников независимости Польши. 10 февраля 1979 г. 26 человек сформировали Комитет за самоопределение нации и начали издавать журнал "Речь Посполита"; в конце июля 1979 г. вокруг журнала "Братняк" образовалось Движение молодой Польши. 1 сентября 34 человека подписали заявление о создании Конфедерации независимой Польши. Их декларация утверждала принцип национального самоопределения на основе

"свободного выражения волеизъявления общества по вопросам международного суверенитета государства, социально-политической системы и форм государственного управления".

* * *

Оппозиционная деятельность периода 1976-1980 гг., которая сводилась в основном к сбору и публикации фактов о нарушениях закона, общей некомпетентности и частных спекуляциях официальных лиц, подготовила возникновение "Солидарности". В обществе, которое, начиная с послевоенного времени, непрерывно и преднамеренно атомизировалось властями, неподцензурная пресса способствовала налаживанию общественных связей, выработке предпосылок для общественной деятельности, что проявилось, например, в проведении празднеств в связи с важными польскими годовщинами, которые замалчиваются ПОРП. Между различными независимыми группами были существенные различия, но в конечном итоге они полностью разделяли преданность таким фундаментальным ценностям, как демократия и независимость Польши.

В июле 1980 г. новая попытка повысить цены вызвала волну забастовок, которые длились с июля по август. 16 августа 1980 г. был создан Межзаводской забастовочный комитет в Гданьске, примеру которого последовали другие города. Комитеты сформулировали требования, далеко выходящие за пределы цен на продовольствие и заработной платы, включая право на независимую от властей самостоятельную организацию, на защиту интересов отдельных лиц, на противодействие произволу властей и неподцензурную информацию. Августовские забастовки завершились подписанием соглашений между правительственной комиссией и Межзаводскими забастовочными комитетами Гданьска, Щецина и Ястршебе. Подобное соглашение властей с представителями общественности было для коммунистических режимов беспрецедентным событием. Даже допуская, что власти были не особенно расположены уважать собственные обязательства, можно признать, что с созданием независимых рабочих союзов польское общество получило значительно больше возможностей оказывать давление на руководство, чтобы заставить его уважать свое слово.

Сфера признанной властями свободы расширилась хотя бы временно, а неподцензурная периодическая печать и бюллетени свободных профсоюзов распространялись все шире. Однако эта свобода сохранялась лишь постольку, поскольку общество продолжало ее отстаивать. Заверения партии о примирении, терпи-

мости и необходимости соблюдать нормы демократии, опровергались ее же действиями. Полиция арестовывала деятелей оппозиции, применяя порой физическую силу, а средства массовой информации — особенно ежедневная газета польских вооруженных сил "Жолнерж Вольноши" — не прекращали пропагандистскую кампанию против так называемых антисоциалистических и даже "контрреволюционных" сил. Все это свидетельствовало об упорном сопротивлении правящей олигархии расширению общественных свобод.

Перевод М. Литвиновой

Михаил Хенчинский

РОЛЬ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ ВО ВНУТРЕННИХ КОНФЛИКТАХ *

Подавление "Солидарности" и введение военного положения, ставшие поворотным пунктом истории польского рабочего движения, не должны заслонять других важных аспектов этого события — правовых, организационных и военных. Нельзя упускать из виду и те существенные перемены в польской правящей верхушке, которые были вызваны введением военного положения. Следует подчеркнуть, что впервые в истории коммунистического государства военные стали играть ведущую политическую роль, оттеснив на задний план партийную бюрократию и партию в целом. Чтобы правильно оценить уникальную роль польского военного руководства, необходимо начать с краткого описания закона, вступающего в силу на территории Польши после объявления в стране военного положения.

21 ноября 1967 г., после 17 лет негласного функционирования, Комитет обороны страны (Komitet Obrony Kraju) получил статус официального органа при Совете Министров (Dziennik Ustaw PRL, 1967, No. 44, November 29, 1967). До оглашения соответствующего Указа была создана сеть военных и гражданских ячеек, пронизывающих всю систему управления страной сверху донизу. Организационные и юридические аспекты этого указа свидетельствуют о широкой программе подготовки страны к ведению ядерной войны. По этой причине Комитет обороны страны был построен таким образом, чтобы жизнь государства можно было быстро и без особых организационных преобразований перевести на военные рельсы.

На вершине пирамиды находится Секретариат Комитета обороны страны, который выполняет функции Бюро Совета министров. Этот секретариат организован таким образом, что в случае объявления военного положения он может быть преобразо-

* Статья была напечатана в журнале "Ost Europa" No. 5, 1982.